

Когда я сам смотрел на пляж Coinchenn, я начал готовить атаку. Вода была проклятием огня. Достаточно, чтобы утолить даже самый неконтролируемый огонь. Но в процессе, потоки пара, обжигающие температуры водяного пара высвобождались. И это предполагало, что огонь был естественным и не питал растущий источник энергии или магии для поддержания формы и интенсивности. Когда учитывалась магия, сила литейщиков была главным соображением.

Я думал о том, чтобы развязать огонь Белероса в Coinchenn, используя тепло, чтобы вскипятить кровь и поджечь их запасы подкожного жира в тлеющие пожары жира. Тактика была работоспособной, но так же, как огонь был восприимчив к воде, вода уступила место льду. И я контролировал оба элемента. Было бы эффективнее заморозить их кровь мгновенно, чем тратить время на их приготовление.

Мое решение вмешаться и помочь герцогине Винн было несвоевременным. Ее следующее действие доказало, что моя помощь была не только не нужна, но и не нужна. Где до того, как она выпустила дюжину, металлических конструкций, чтобы иметь дело с водостоками и восходящими волнами, которые последовали за этими торнадо пути, на этот раз она выпустила рой металлических предметов. Облако металлических сфер и кубиков было настолько плотным, что они создавали тень и заслоняли сегменты солнечных лучей.

Этот новый выпуск металлических предметов помог мне определить домен герцогини, её родство было металлическим, она смогла управлять им так же легко, как я управлял огнём и льдом. Ее близость содержала элегантную логику. Нокеры были жестянщиками. Они превзошли кузнецов со способностью использовать и инновации с помощью металла, чтобы иметь сродство и силу формировать и контролировать, что сродство сделает только для более мощных и умелых жестянщиков.

Ее домен позволил ей вводить новшества, создавать и воплощать свои идеи почти мгновенно. Рой металлических сфер и кубов, которые она выпустила были инертными, не более чем очищенный металл различных типов. Но для нее, они были все, что она могла себе представить, ее способность формировать и преобразовывать их форму позволила ей реагировать на условия боя по мере необходимости.

Артиллерия, щиты, укрепления, учитывая достаточно металла, она была одна женщина армии, способной создавать фальшборты для укрепления и автоматы для атаки.

Она была творческой в своей атаке. Ничто так не мирское, как копья, мечи или стрелы, вместо этого она создавала возвышающиеся големы, каждый из которых был оснащен зазубренными вращающимися пильными лезвиями, а металлические зубы укреплены вольфрамом. Непроницаемые для воды, они начинали резать и рвать, их руки зарывались глубоко внутри тел монетницы.

Она была методична в своем подходе, атакуя самого большого первого. Обычно те, кто на линии фронта первым был бы целью, но они были выброшены на берег без формирования, без стратегии, они были неорганизованной массой волнистой взвеси. То, что они были Лордом Рейнгом, говорило об огромной разрушительной силе, стоящей за атаками, которые они могли развязать. До тех пор, пока их щупальца могли схватить и раздавить, они были неудержимы.

Но герцогиня Винн обладала уникальной способностью противостоять этим щупальцам, легко раздавливая их. Затем ее големы были вынуждены потратить время и энергию на обезглавливание тех монет, которые были лишены щупалец и атакующей способности, чтобы принести истинную смерть. Герцогиня Винн была безжалостна, и по мере того, как океан становился красным с кровью Coinchenn, запахи также менялись, рассол моря уступал место медному запаху крови.

При всех своих размерах и свирепости, Coinchenn не имел никаких других атак или оборонительных способностей; они полагались на свою огромную силу и размер, чтобы терроризировать и командовать полем боя. В глубинах Океана эта тактика могла бы сработать против герцогини, но на суше, без воды, чтобы стимулировать или замедлять ее големские конструкции, вооруженные дисковыми пилами, не было ничего, что могло бы ослабить или защитить Coinchenn от поля убийства, в которое они вторглись.

Запах от битвы становился призрачным по мере того, как все больше и больше Coinchenn жил. Висцера, остатки кишок рыбы, в сочетании с запахом экскрементов, как эти гигантские существа уничтожали свой кишечник, когда они жертвовали своей жизнью, добавляя ужас. Их смерть усугубляла горький вкус меди, которая пронизывала воздух, заставляя стоять, наблюдая за кровавой расправой, чтобы дышать через рот, не обращая внимания на вкус ужасной вонь.

Кровь, внутренности и прочее дерьмо, ничто в битве, ни в последствиях не было достойным. Те, кто очаровывал искусство войны, кто делал сцены резни поэтичными и вдохновляющими, всегда упускали из виду реальность. Те, кто отдал свою жизнь, были созданиями из плоти и крови.

Аспен и Пайн были новичками в реальности войны. Новорожденные дети Дану, они еще не акклиматизировались к реалиям пережитого Сиде. Они были невинны и в ужасе от происходящей резни.

Я хотел бы защитить их, позволить им сохранить свою детскую невинность, но это было бы плохой услугой, если бы я сделал это. Этот мир должен был быть достаточно сложным для них, чтобы они могли ориентироваться, было бы лучше, если бы они проснулись к определенным истинам в моей компании, где я мог бы защитить их, объяснить и облегчить переход между невинностью и цинизмом.

Я надеялся, что их образование не уничтожит свежий взгляд и безупречную перспективу, которую они могли принести в мир, вылеченный устаревшими моральными традициями и нереальными расовыми различиями. Они были созданы для того, чтобы принести надежду миру, восстановить и охранять поля и леса, которые, как утверждал Дану. Талхэм был воплощением ее тела, и они были ее опекунами.

Для того, чтобы Сиде запрудил линии leu-линий и перенаправил эти энергии, чтобы навредить планете, только еще раз продемонстрировал, как отчаянно нужны были эти новые дети Дану. То, что было сделано, не должно было быть мыслимым для Сили или Юнсили. Сиде были созданы как дети природы. Наши магии, сродства и области вращались вокруг естественного

порядка вещей. Для них игнорировать эти наставления, воровать энергию с единственной целью - наделить силой немногих - было анафемой.

Поле убийства, которое создала герцогиня Винн, вскоре прекратилось. Никто из монет не выжил. Территория, где вода встречалась с землей, была превращена в не более чем скотобойню. Сельки, который начал это, которые напали без провокаций, переиграл его руку, некоторые из его непобедимости, он никогда не думал, что Ранг был больше, чем титул. Герцогиня была экспоненциально более могущественной, чем граф, и с правильной техникой и близостью, способной отключить или уничтожить сотни противников Лорда Рейнга.

Только после того, как была убита последняя монетница, Сельки решили, что бегство предпочтительнее смерти. Но к этому времени было уже слишком поздно. Герцогиня была в полном ярости, ее металлические устройства превращались из пильных дисков в цепи, каждая цепь завершалась копьем.

Ее нападение на Селькийского лорда напоминало охоту на китов, гарпуны из металла и цепи нацеливались на его конечности и проникали в них. Его попытка перейти к моржу сформировалась удачно, но бесплодно, по мере того, как все больше гарпунов проникало в водный щит, он возводил и ворвань, который защищал его ядро.

Она не убила его, но ранила его настолько сильно, что не было ни бегства, ни дальнейших попыток сражения. Он был сильным, но ее проявление способностей и близости противостояло его физическим способностям и атакам. Даже те магии, которые он использовал в начале, контроль воды, чтобы сформировать изливы или щиты, были бесполезны против ее натиска металла.

После того, как он полностью зацепился за крючок, его попытки бежать бесплодны; герцогиня начала отталкивать его на берег. Детали монетного тела усложняли это, так как куски их плоти часто дрейфовали по дороге, заставляя герцогиню приложить больше энергии и сил, прежде чем наконец-то высадить Роана.

"Объяснитесь", - потребовала она, как только она, наконец, высадилась на берег, ее миниатюрный размер был более заметен, стоя рядом с его формой моржа, размером не намного меньшим, чем у напавшего на нее монетчика. Он был легко 30 футов в длину во время преобразования, были все, что массы пошли, когда он принял свою человеческую форму, казалось, отодвинуть сохранение массы теории, но на Талхеме пространственного хранения и аномалии игнорировали правила творения, так что преобразование массы между двумя разрозненными формами имеет столько же смысла, сколько и все остальное.

Причина была проста. То же самое объяснение всех этих разломов в реальности. Магия нарушила правила. Не было ничего из научного принципа, необходимого для объяснения процесса, ни формулы, ни Вселенского Закона, который бы объяснял дихотомию. Это то, что делало магию и науку конкурирующими архетипами.

<http://tl.rulate.ru/book/35447/1022785>